Петрык Янина Юрьевна

"ПАТЕМАТИКА" ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ М. К. МАМАРДАШВИЛИ ("ЛЕКЦИИ О ПРУСТЕ")

В данной статье на основе работы "Лекции о Прусте" М. К. Мамардашвили анализируются законы любовной "патематики" (термин, введенный самим философом). Патематика трактуется М. К. Мамардашвили как знание, ориентирующее человека в его духовном поиске, помогающее толковать внутреннюю жизнь субъекта, протекающую по определённым законам. Среди законов патематики М. К. Мамардашвили выделяет: закон фундаментального одиночества, невзаимозаменяемости партикулярных индивидов, безразличия материи объекта любви и закон возобновления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 120-122. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

AUDIO-VISUALIZATION OF DIRECTOR'S IDEA AS AN ARTISTIC TECHNOLOGY OF THE SPECTACLE

Petrova Eleonora Aleksandrovna
Astaf'eva Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Saint Petersburg State University of Culture and Arts
as.alanka@mail.ru; tastafieva7@rambler.ru

The article is devoted to the issues of the use of audio-visual technologies for the development of the theory and practice of contemporary production process. The authors present information on the implementation in production process and in scenography of the complex of modern technologies, which allow creating a director's artistic language. Audio-visualization in the modern production solutions is considered as an expressive means of influence on the audience perception.

Key words and phrases: contemporary theater; scenography; direction; information technologies; festive culture.

УДК 124.5
Философские науки

В данной статье на основе работы «Лекции о Прусте» М. К. Мамардашвили анализируются законы любовной «патематики» (термин, введенный самим философом). Патематика трактуется М. К. Мамардашвили как знание, ориентирующее человека в его духовном поиске, помогающее толковать внутреннюю жизнь субъекта, протекающую по определённым законам. Среди законов патематики М. К. Мамардашвили выделяет: закон фундаментального одиночества, невзаимозаменяемости партикулярных индивидов, безразличия материи объекта любви и закон возобновления.

Ключевые слова и фразы: пафос; патематика; любовь; страсть; философия М. К. Мамардашвили.

Петрык Янина Юрьевна, к. филос. н.
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
p_yanina@mail.ru

«ПАТЕМАТИКА» ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ М. К. МАМАРДАШВИЛИ («ЛЕКЦИИ О ПРУСТЕ»)

Об уникальности и своеобразии мыслительного пространства М. К. Мамардашвили было написано немало. Имели место и сетования на то, что манера рассуждения философа, «не обладающая ни непосредственной ясностью, ни изяществом литературной формы» (Н. В. Мотрошилова) [1, с. 24], не может явиться эталонной в философствовании. Однако всех без исключения поражал стиль, который небезосновательно именуют амплификативно-рекуррентным (В. В. Калиниченко) [Там же, с. 86] и метафорическим (В. Подорога) [Там же, с. 140]. Амплификативным – ввиду беспрерывного накапливания смыслов с нарастанием экспрессивности, как объяснял эту особенность М. К. Мамардашвили: «структура увеличивается тем, что мы её понимаем» [2, с. 170]. Рекуррентным – ввиду постоянного «движения вглубь» [3, с. 34], «бесконечного проигрывания» [Там же, с. 112] ситуации, неизменного возврата к пониманию, где «количество (возвращений) не имеет никакого значения» [Там же, с. 34], но важным является умножение обретенных смыслов. Метафорическим данный стиль можно назвать оттого, что «метафоры как бы насыщают интеллектуально-метафизической кровью само размышление» (В. Подорога) [1, с. 140], а сами метафоры бесконечно ценны тем, что «позволяют нам что-то понимать, но не утверждать» [4, с. 142].

Подобный стиль – это свидетельство неосуществимости окончательной формализации философского знания, которое всегда аксиологично и экзистенциально. Вследствие этого современная гносеология постулирует комплексный, перцептивно-рациональный подход, эксплицирующий экзистенциальные глубины. Свою приверженность к последнему, свой синтетический стиль М. К. Мамардашвили поясняет следующим образом: «мы находимся в такой области… что язык то психологический, то литературный, то этический... в единых неразделимых явлениях» [3, с. 113] заставляет связывать воедино метафизические, этические и эстетические проблемы, порождая «целую теорию "кристаллизации", которая очень похожа на ту Стендаля "О любви"» [Там же, с. 22]. Таким образом, используя свой уникальный экзистенциально-синтетический стиль, М. К. Мамардашвили обращается к феномену любви, к вопросу о «топологии» – «пути нашей страсти» [Там же, с. 4]. М. К. Мамардашвили стремится эксплицировать любовь как инвариант, остающийся неизменным в различных культурных формах, а также проследить субстанциональные законы духовности, по которым протекает человеческая страсть. Наиболее приемлемой формой выражения фундаментальных законов бытия страсти и оказывается стиль философа.

Любовь неотделима от человеческого существования, а «топология» личности, которой занимается М. К. Мамардашвили в работе «Лекции о Прусте», есть «геометрия духа», выстроенная по определенным законам, которая фундирует экзистенциалы и предполагает «построение какой-то структуры, внутри которой…

фонтанирует жизнь» [1, с. 62]. Данная «геометрия духа» призвана описать любовь, как особо ценный опыт человека, протекающий по определенным законам. Прослеживая в своей философии «эволюцию идей и чувств» (Н. В. Мотрошилова) [Там же, с. 19], М. К. Мамардашвили классифицирует и проясняет «психологическое пространство и психологические явления, протекающие во времени» [3, с. 116], структурируя их. Именно «индивидуальность, неповторимость бытийственного события и соответствующего… переживания сознания (является)… главным предметом интереса» философа (Н. В. Мотрошилова) [1, с. 27]. Своеобразие рассуждений М. К. Мамардашвили явственно свидетельствует о том, что философия не может использовать только точные понятия. Семантическая емкость строгих дефиниций оказывается недостаточной для выражения философских смыслов, так как содержание последних может даваться субъекту и в интуитивной форме. В сознании человека «есть законы, которые не соответствуют законам нашего рассудочного воображения» [4, с. 67], это «состояние экзальтации», «жизненного ощущения» [3, с. 109]. «Это чисто духовные, а не психологические понятия… стрежневые явления для психологических процессов» [Там же, с. 81], это некие модусы, которые даны человеку и оживляются самим человеком.

Для того чтобы объяснить стрежневые фундаментальные экзистенциалы «топологии» личности, М. К. Мамардашвили вводит понятие «патематика» (гр. *πάθος* – «страсть» и гр. *μάθημα* – «знание»), полагая, что человеческий пафос, «страстные бега» [Там же, с. 16], можно разъяснить по аналогии с математикой. Патематика, как «учение о пафосах», представляет собой опыт наших собственных размышлений, переживаний, испытаний, «мистику как состояние человека» [Там же, с. 120]. М. К. Мамардашвили настаивает на том, что у каждого индивидуально наличествует «свой модус страсти», а у наций «свои архетипы страстей» [1, с. 11]. Философ пишет: «можно полюбить разных женщин, но… есть монотонная и ригидная форма всех моих будущих любовей», и продолжает: «…что такое французская страсть? Это мания и смелость – поставить себя целиком на карту» [Там же]. Таким образом, патематика имеет свои формы и модусы, улавливает их структурную взаимосвязь и, без сомнения, имеет свои законы «по которым сознание может жить и воспроизводиться» [3, с. 142]. Патематика – это область знания о пафосах, которые избыточны и неделимы, и учение о том, что «наши психические механизмы индивидуально развертывают независимые от них законы» [Там же, с. 109].

Безусловно, первым в структуре патематики является «закон фундаментального одиночества» [Там же, с. 134], который непросто эксплицирует очевидное партикулярное состояние человека в акте рождения или смерти, но свидетельствует в первую очередь о невозможности снятия момента постороннего и чуждого «ты» (другого). Внутреннее одиночество – это мое своеобразие и субъективность, которая неустранима. И даже в таинственном акте любви фундаментальное одиночество «я» не снимается: «я» и «другой» не сливаются, «другой» остается чужим (не «я»). Однако подобный закон непреложно порождает следующий – «закон невзаимозаменяемости всегда партикулярных индивидов» [Там же, с. 150], который наилучшим образом объясняется метафорой «взгляда». Согласно данному закону, есть некий акт «экзистенциальной встречи», которая уникальна, неповторима, необратима и даже предопределена, в рамках которой встречаются именно эти две индивидуальности (субъекты любви), и встреча их изначально суждена. Данное экзистенциальное событие есть встреча на уровне взгляда, «который уничтожает вокруг меня пространство и время, в том числе пространство социальное, мое положение, мои связи, мое место в социальной иерархии» [Там же, с. 34]. Подобная экзистенциальная встреча уникальна совпадением, как выразился М. К. Мамардашвили, «по ментальному классу» [1, с. 101] самих субъектов любви, где не властна ни социальная, ни экономическая, ни эстетическая иерархия. В феномене неповторимой экзистенциальной встречи уникальные партикулярные индивиды не заменяемы.

Третьим существенным законом патематики М. К. Мамардашвили провозглашает «закон безразличия материи любви» [3, с. 50], то есть отсутствие привилегий и преимуществ объекта любви и страсти. Философ разъясняет данный закон следующим образом: любовь это «случайность, необъяснимая преимуществами и качествами предмета любви» (другого) [Там же, с. 52], в которой «не существует привилегированных женщин, мужчин, предметов» [Там же, с. 114], а сам «...пафос не оправдывается предметом» [Там же, с. 171]. И в данном случае этот закон не нивелирует уникальности самого акта встречи, однако отрицает значимость «материи объекта любви»: «все социальные различия являются лишь инертной материей» [Там же, с. 34]. «Безразличие материи» объекта любви исключает данный объект из какой бы то ни было объективной эстетической иерархии, а объясняет это мыслитель тем, что все, что может быть вложено в «безразличную материю», вкладывается в неё нашей собственной мыслью, «мыслью, ищущей себя» [Там же, с. 106]. Таким образом, сам объект не имеет никаких качеств, которые мы бы любили, мы наделяем его ими. А любовь, тем самым, не объясняется ни особой способностью любить, ни объектом любви, ни физиологическими, ни психологическими условиями человеческого существования, никакими причинами; она определяется даже не содержанием чувственного опыта, который всегда случаен, а именно нашим «обращением» к нему. «…Не значащий или мало значащий объект, тождественный как минимум десяти тысячам таких же объектов, превращается в предмет любовного чувства» [Там же, с. 108], а «источником наших… переживаний… могут быть только такие объекты, которые уже однажды были инвестированы нашим затронутым состоянием в мире» [Там же, с. 150]. Таким образом, любовь – это уникальное метафизическое таинство, но конструировать собственный модус страсти человек обязан сам: «ты должен придать этому форму своей, партикулярной, тебе свойственной страсти и склонности» [Там же, с. 107]. Подобное «обращение» к объекту любви и «оформление» партикулярной страсти порождают еще один закон патематики: «закон возобновления» как постоянного тонуса любви и возвращения волнения. Есть некий объект, который следует превратить «в предмет волнения» [Там же, с. 109], так как «важно не то, что ты любишь, а насколько глубоко твое состояние любви» [Там же, с. 160]. Ведь «когда мы влюблены в женщину, мы просто проецируем на неё состояние своей души; и здесь важна не ценность

женщины, но глубина состояния» [Там же, с. 135], «мы всегда живем в совершенном неведении относительно того, что любим» [Там же, с. 121]. В ходе рассуждений М. К. Мамардашвили приходит к выводу о том, что любовь является «элементом все время возобновляющегося, возобновляемого и поддерживаемого судорожного единства с самим собой» [Там же, с. 110]. Таким образом, «троп связного пространства мышления» [2, с. 30] М. К. Мамардашвили ведет нас от фундаментального одиночества через тонус любви, а значит перманентное усилие возобновления её, к единению с самим собой, и круг замыкается.

Подводя итог, следует отметить, что М. К. Мамардашвили выводит не только особые законы патематики, но дедуцирует стержневые экзистенциалы, целый ряд предельно емких и корректных тропов «геометрии духа», которые, несмотря на их универсальность (преложимость абсолютно к любому индивиду), являются настолько личными, что не терпят никакой кооперации и эксплицируют невозможность их отложить или кому-то делегировать.

Список литературы

1. **Кругликов В. А.** Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили: научные статьи и дискуссии. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1994. 240 с.
2. **Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Культура», 1992. 410 с.
3. **Мамардашвили М. К.** Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: AD MARGINEM, 1995. 547 с.
4. **Мамардашвили М. К.** Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.

“PATHEMATICS” OF LOVE IN M. K. MAMARDASHVILI’S PHILOSOPHY (“LECTURES ON PROUST”)

Petryk Yanina Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Kuban State University
p_yanina@mail.ru

On the basis of “Lectures on Proust” by M. K. Mamardashvili the article analyzes the principles of amorous “pathematics” (the term introduced by the philosopher). M. K. Mamardashvili considers pathematics as knowledge guiding a human being in his/her spiritual search, promoting the interpretation of the subject’s internal life developing according to certain principles. Among the “pathematics” laws M. K. Mamardashvili identifies the following ones: the law of fundamental solitude, the non-substitution of particular individuals, the indifference of the matter of an object of love and the law of revival.

Key words and phrases: pathos; pathematics; love; passion; M. K. Mamardashvili’s philosophy.

УДК 133.4; 291.33
Философские науки

В статье анализируются характерные черты магии как одной из форм религиозного сознания. Основное внимание уделено признакам, позволяющим показать существенное различие между магическим сознанием и другими формами религиозного сознания. Продемонстрировано, что одной из важных особенностей магии является заимствование отдельных доктринальных элементов у иных религий с приданием им нового смыслового содержания.

Ключевые слова и фразы: магия; магическое сознание; религиозное сознание; религиозный опыт; сверхъестественное.

Попов Алексей Владимирович, к. филос. н.
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
teorel@mail.ru

СПЕЦИФИКА МАГИИ КАК ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Прежде чем анализировать специфику магии как одной из форм религиозного сознания необходимо уточнить, какое именно значение имеет понятие «магия». Но любая попытка сформулировать определение данного понятия неизбежно ведет к ряду проблем. Одна из важнейших состоит в том, что такие исследователи феномена магии, как Дж. Фрэзер, Л. Леви-Стросс, К. Леви-Брюль, Б. Малиновский, уделяли внимание в основном изучению феномена магии в примитивных обществах, фактически игнорируя магические взгляды, возникшие в Средние века и тем более в XIX-XX веках. Так, без должного внимания при исследовании феномена магии остались такие известные авторы работ по магии конца XIX – начала XX века, как Э. Леви, Ж. Анкос. В середине XX века можно заметить рост интереса к магии, вследствие чего различные магические воззрения и практики легли в основу западного неоязычества (например, различные викканские течения), а также составили доктринальный базис ряда сатанинских культов [4; 15]. Поэтому при исследовании феномена